

Трудно сказать, как и когда, каким образом попала мне на глаза эта маленькая книжица в мягком синем переплете, издательства газеты «Известия», на обложке которой был изображен кораблик с лихо задранном носом, а по диагонали вилась надпись «Микешкин» идет в Арктику». Позже прочитаю: «И идет наш задира — «Микешкин» проложить к океану тропу, словно маленький гордый мятежник, заломив, будто кивер, трубу». Уже достаточно хорошо знающий поэзию Евгения Евтушенко, лет в 16 заучивший наизусть его немаленькую поэму «Станция Зима», опубликованную в самом авангардном журнале-миллионнике той поры «Юность», я мгновенно клюнул на вторую половину книжицы: *Евгений Евтушенко «Стихи из бортжурнала»*.

Думал ли я тогда, ничем не выдающийся пацан, учащийся отделения промышленного и гражданского строительства строительного техникума из провинциального украинского областного центра Сумы, что настанет время, и я вживую увижу самого Евтушенко! Ведь тогда в наши края московская мода доходила спустя пять-семь лет, когда столичные модницы успевали уже напрочь забыть, что они носили пятилетку назад, где центром мироздания считался Харьков и где дурным тоном было произносить твердое «г», а хорошим — «г» мягкое, почти схожее

с «х». И думал ли я, что познакомлюсь вначале по переписке, а потом и на каком-то журналистском съезде с великолепным писателем-публицистом, собственным корреспондентом газеты «Известия» по Восточной Сибири, автором очерковой части той самой книжки про «Микешкина» — Леонидом Иосифовичем Шинкарёвым? Мог ли я представить, наконец, что буду держать в дрожащих от волнения руках ту самую толстую тетрадь, в которой вьются наискось, загибаясь на поворотах, самолично написанные поэтом стихи из бортжурнала во время плавания от истоков Лены к Арктике...

Все это сбудется... но не скоро...

...И думал я у автобазы:
Наш долг не прятаться во фразы,
Как будто в иглы дикобразы,
и что-то там кропать в тиши,
А в ночь лететь, как эти МАЗы,
На социальные заказы,
Приказы собственной души.

На памятном вечере в декабре 2015 года в Тамбове Евгений Александрович, прибегнув к цитированию знаменитого пушкинского творения, посвященного Анне Керн («Я Вас любил безмолвно, безнадежно, то нежностью, то робостью томим...»), произнес одно волшебное слово: «Эти стихи были *выдышаны* поэтом». Наверное, не только мне, но и многим сидящим рядом подумалось тогда: неужели лишь влюбленные люди позапрошлого века могли «выдышивать»-выдыхать такие строки? Горько, если так, если все осталось в безвозвратном прошлом. Если безмолвно, безнадежно угасает чистая любовная лирика, теснимая мычанием гаджетов и грязным сленгом улицы. И даже профессор литературы Евгений Евтушенко признался, что стих уже теряет силу. И на Западе никто почти не пишет в рифму. И не звенят бубенчики на кончиках строк, цокая так, как цокали они у мэтра...

И тихо верилось сердцам,
Что если с детскостью лица,
А не с нахальством пришлеца
Чуть-чуть коснуться багреца
Мизинцем удивленного,
То наподобие ларца
В руках у старца-мудреца
Ворота эти до конца
Откроются со звоном...

Вот она, заветная кода поэзии: передача состояния человека, его чувств и мыслей. Все вроде бы просто. И в то же время все невероятно сложно, едва перо коснется бумаги.

Безумно влюбленный с младых ногтей в поэзию Евтушенко, поклонник известнейших публикаций ее сибирского собкора Леонида Шинкарёва, я выбрал темой своей дипломной работы на факультете журналистики Воронежского государственного университета путевые очерки Леонида Иосифовича. О чем и написал ему письмо в Иркутск, где он жил тогда в Пионерском переулке, 12. Хитро задал вопрос, о чем бы он хотел прочитать в моей работе (авось, что-то дельное подскажет). Шинкарёв ответил быстро и не менее хитро: хотел бы, мол, познакомиться с вашим личным взглядом на мои публикации, с вашей личной оценкой моих работ... Поняв, что никакие деликатные подкаты насчет получения авторских суждений-рассуждений не прокатят и нужно брать за дело самому, закатав рукава, азимут проложил один: в библиотеку! Зарыться в книги, и ровно так, как серьезные математики «нарешивают» умопомрачительной сложности за-

дачи, так и мне, гуманитарию, нужно начитывать побольше текстов и — терпеть!

Но кто все же был тот загадочный Микешкин? На такой же вопрос некоего незнакомого топографа Валеры, встретившегося путешественникам на немереных просторах Сибири, Евтушенко стихами ответил в своей «Балладе о Ленском подарке».

И мы рассказали, что этот был лодман,
Который считал разособенным лоском
вести карбаса по дороге старинной,
для шика глаза завязав мешковиной.
Купцы, как ельцы,

суеясь, увивались:

«Уважь, Петр Иваныч...»

Уж мы, Петр Иваныч...»

А он презирал их пузатое племя
и бросил однажды три сотенных в Лену
и крикнул купцу: «Ежли прыгнешь и выловишь,
но только зубами — твои они, Нилович!»
И плюхнулся в воду купчина, как студень,
и в нижнем белье всенародно был стыден.
Мильонщик

за эту позорную цену

он чавкал, глотая холодную Лену,
а нищий Микешкин

над жадиной в нижнем

смеялся,

как будто мильонщик над нищим.

И где-то в избеночке краснофонарной
Штаны пропивал он, судьбе благодарный,
что жизнь свою шалую пьяницей прожил,
но Лену не пропил,

но совесть не продал.

Жандармы ему обещали полтыщи,
но он отвечал:

«Не вожу политичких...»

«Да кто ты такой?» —

угрожали кутузкой.

А он отвечал:

«Да я вроде бы русский».

Кто же были эти путешественники, поэтические «мы», разъяснившие незнакомцу-топографу, что за странное имя носит старинное сибирское судно — карбас? В 45-дневное плавание в том далеком 1967 году, в далекий путь, протяженностью четыре тысячи пятьсот километров от прибайкальской тайги до якутской тундры или, если хотите, от Иртыша до Арктики по Лене отправились сами же создатели и строители карбаса. Начальником экспедиции был утвержден уже немного известный Леонид Шинкарёв. В разное время место на карбасе занимали разные люди, но продолжительнее других — инженер из Братска Арнольд Андреев, его коллега из Якутска Георгий Балакшин. Вместе с ним — люди разных профессий и сословий: Олег Целков, Валерий Черных, брат Леонида Иосифовича — Наум Шинкарёв, кинооператор из Иркутска Эдуард Зоммер, режиссер Иркутской студии телевидения Теофиль Коржановский, москвич Арон Белкин. Боцманом на корабль был принят старый бродяга и путешественник, мгновенно откликнувшийся на приглашение пройти морским путем от верховьев Лены к Ледовитому океану поэт Евгений Евтушенко. Еще бы, такие картины, такие впечатления:

Шла самосплавом тишина.
За нашим карбасом волна
Обозначалась как вина
Вторженья в область полусна
природы на закате.
И лишь светилась допоздна
крутых откосов желтизна,
и рудо-желтая луна
качалась, в небо взметена,
Словно кусок утеса на невидимой лопате...

Цитирую эти строки по памяти. Честно говоря, я их не заучивал, они сами отложились в сознании без малейших усилий, без зазубривания. Так легко запоминаются и так легко укладываются в мозгу только пушкинские стихи. Но если сравнить стихотворения Евтушенко, напечатанные позднее в его сборниках, с первоизданными строками, что были еще не напечатаны, а только-только написаны вкривь и вкось при качке на борту «Микешкина» в толстой тетради, названной бортжурналом, — разница все-таки ощутима. И мне жаль, что при последующей «доводке» они утратили первоначальную свежесть и образность.

Журналист и писатель Леонид Шинкарёв пригласил, а точнее, вытянул поэта в далекое, сложное и опасное морское путешествие неспроста. От греха подальше. Точно так же, как увозил из столицы, подальше от беды, на Север, непревзойденного новеллиста Юрия Казакова сам Евгений Евтушенко.

Кто не помнит «Хотят ли русские войны»? Других стихов, быстро становившихся после музыкального оформления прекрасными песнями, одна другой краше, которые запевались-распевались и навсегда запоминались рабочими и крестьянами, первоклассными артистами и никому не ведомыми железнодорожными машинистами с первых же слов: «Бежит река, в тумане тает...», «Вальс о вальсе», «Чертовое колесо», «А снег идет...», «Твои следы», «Не спеши...» Право, трудно понять только одно: почему Евгений Евтушенко в письме укорял Роберта Рождественского за увлечение песнями, а у самого они рождались «охапками», сразу же обреченные на долгую жизнь. Но теперь ушедших поэтов об их споре не спросишь. Старая плеяда, оставив в книгах и журналах богатое наследство, растаяла. Новая, такой же силы, пока не появилась. И нужно, наверное, долго и терпеливо ждать, пока появится...

Леонид Шинкарёв спустя годы расскажет, с каким превеликим трудом пробила себе место под солнцем в застойные 1960-е годы сегодня кажущаяся совершенно безобидной та книжица «Микешкин» идет в Арктику» в, казалось бы, родном для него издательстве «Известий». Отправленная в предпечатную подготовку в 1968 году, она с невероятным скрипом, после долгих уговоров, утрясок, согласований вышла в свет только три года спустя, в 1970-м. Причина ясна, как божий день: цензура требовала от автора снять в книге имя Евтушенко, а лучше — вообще изъять его стихотворную продукцию, потому что уже ходили по рукам самиздатовские копии знаменитого евтушенковского ультиматума «Танки идут по Праге». Три года готовая книга лежала в достославное брежневское время без движения, как лежали на полках фильмы Тарковского, позже признанные гениальными, как лежал без надежды на выход роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Тусклый завправила партийно-идеологического фронта — секретарь ЦК КПСС и член Политбюро Михаил Андреевич Суслов, приверженец езды на служебном автомобиле со скоростью не выше сорока километров в час, по-старомодному приезжавший в Кремль в дождливую погоду в галошах — правил бал в литературе и искусстве, как папа в Ватикане.

А Евтушенко открыто слал гневную телеграмму Брежневу против вторжения

войск стран социалистического содружества в столицу братской тогда Праги и праведный гнев свой подкреплял стихами. Как он, вообще, уцелел, как сумел не попасть в кутузку и не был заключен для превентивного лечения в дурдом. И, главное, говоря стихами Константина Симонова, «не проклял все, что было в прошлом»...

Прекрасны были многие друзья поэта. Круг их необыкновенно широк. Наверяд ли удастся найти и перечислить все имена и самому дотошному биографу, в том числе замечательному человеку, ученому-филологу из Иркутска (прости, читатель, напрочь забыл его фамилию), которому Евтушенко доверил для создания книги ту самую заветную тетрадь, где были его рукой написаны стихи из боржурнала... Прекрасен был настоящий друг Евгения Александровича — известный собкор Леонид Шинкарёв, с которым поэт и замыслил далекий побег на Север, подальше от московской суеты и праздности, от фальши и лицемерия, липкой паутиной обволакивающих эпоху.

И с привкусом свежего снега,
Как жизни сокрытая суть,
Знобящая прелесть побега
Ломила нам зубы и грудь...

Настоящим другом Евгению Евтушенко был писатель Юрий Павлович Казаков, автор «нежных, дымчатых рассказов», которому поэт посвятил пронзительную балладу. Это посвящение дружбе прозы и поэзии, родившееся во время обоечных трудных странствий по снежному и льдистому, топкому и болотистому краю земли, откуда Казаков привезет потом свой знаменитый «Северный дневник», а Евтушенко — новые стихи. Такие строки, как эти, надо «выдышать», мучительно выстрадать, выплакать, прежде чем родить.

Вот простой и демократичный клуб строителей, переполненный гомонящей толпой, собравшейся в обеденный перерыв послушать своего молодого начальника участка, ставшего на один час самостоятельным артистом (прошел хорошую выучку в вузовском молодежном театре). И звучат евтушенковские стихи, произносимые недавним выпускником инженерно-строительного института звучно, раскатисто, во весь голос, время от времени подкрепляемые характерной рубкой ребром ладони по воздуху:

Это Чертовое Болото
с незабудками на заман.
Ты куда занесла нас, охота,
Бубен неба трясся, как шаман?
Посреди онемевшей России,
Накренившихся ив, облаков,
Мы с тобой пропадаем в трясине,
Юра-Юрочка Казаков.
Перед кем же мы так провинились,
За какие такие грехи
В прорву-гадину провалились
Твоя проза, мои стихи.
И уже ни Москвы, ни Парижа,
Только лилий болотных жгуты,
Только жижа, зловонная жижа,
приодевшаяся в цветы...

Леонид Иосифович Шинкарёв родился в Макеевке, на Донбассе. После окончания историко-филологического факультета Горьковского университета оказался на Дальнем Востоке, где четыре года проработал в краевой газете «Красное знамя». Молодого 27-летнего очеркиста, смелого корреспондента любимые милли-

онами читателей «Известия» применили очень быстро. И в 1961 году взяли в свой штат вначале собственным корреспондентом все по тому же «Владуку», а затем для освещения как благополучной, так и многострадальной жизни огромной, как иные три материка, Восточной Сибири. С местом нахождения собкоровского пункта в старинном Иркутске.

Какие только потом города и страны, параллели и меридианы не пришлось Шинкарёву посмотреть, по каким только горным тропам и предгорьям пройти, по каким автострадам и буеракам проехать, попадая в самые невероятные приключения. Вот маршруты Леонида Иосифовича: Мозамбик, Мадагаскар, Зимбабве, Танзания, Лесото, Замбия, Сейшельские острова, Юго-Восточная Африка, Монголия... Мальчик из Макеевки, «бархатноглазый капитан». Знаете это выражение откуда? Правильно, от Евтушенко, во время плавания на «Микешкине»:

Но был упрям, как Д'Артаньян
Бархатноглазый капитан,
Над ним висел железный план:
Идти вперед, на океан,
где айсберги литые.
Он все предвидел, капитан:
Ремонт, заливку и туман,
Недоучел железный план
ворот золотые...

Леонид Шинкарёв, готовя к публикациям в «Известиях» путевые очерки, умудрялся диктовать тексты из встречных почтамтов по телефону, а написанные и отстуканные на пишущей машинке с okazji (самолеты, встречные пароходы, перекладные машины, поезда) передавать в редакцию, и они незамедлительно появлялись на газетной полосе. Нельзя не заметить, что это были журналистские материалы большой государственной важности. И почти по всем из них принимались постановления Политбюро или Совета Министров СССР, имевшие немалую реальную силу. Касались ли очерки Шинкарёва жизни малых народов Севера или пакетирования мелких грузов при транспортировке их на кораблях Севморпути, застройки отдаленного океанского края надежными капитальными домами вместо временных вагончиков и балков, оставшихся со времени строительства там перерабатывающих предприятий, или организации на севере дальнем инфраструктуры — домов культуры, школ, больниц...

А поэт — что же, пробавлялся только «Балладой о ласточке»?

«Вставал рассвет над Леной, пахло елями, /простор алел, синел и верещал, /а крановщик Сысоев был с похмелья /и свои чувства матом выражал...» К слову, попадетс — прочитайте и эту балладу, смысл и подтекст в ней для любителей лирики — будь здоров!

Нет. Евгений Евтушенко всегда знал, о чем нужно сказать здесь и сейчас. Что не всегда встречало понимание даже среди его собратьев по писательскому цеху. Однако его «Стихи из бортжурнала» живут и поныне без косметики, морщин и подтяжек, забыв о своей полувековой давности, словно написанные вчера.

Во дворе мастерской индпошива
Без табличек и без оград,
Словно три изумрудные взрыва,
Эти лиственницы стоят...
Нас мотает в туманах проклятых,
Океан еще где-то вдали,
но у бакенов на перекатах
декабристские свечи внутри...

«Декабристские листовницы», место написания — бывший Киренский острог, куда был сослан уроженец Темниковского уезда Тамбовской губернии, выпускник Тамбовского дворянского собрания декабрист Аполлон Васильевич Веденяпин.

А вот — продирающие душу до слез, названные простенько, вроде бы неприятно-стихи «За молочком», читаешь которые и видишь не одну опустошенную деревню, а всю ограбленную, ободранную, как лыко на липе, деревенскую Россию...

Наш карбас мягонько —
в ивняк бочком,

а мы в деревню —
за молочком.

Ведром побрякиваем, —
идем,
побрякиваем, —
вот-вот ленчаночка
качнет бочком

при коромыслице,
и губы в кислице,
и то, что следует,
у ней торчком.

А на берегу коромысло лежит,
а по коромыслу повилика бежит,
а по коромыслу гуляют муравьи,
видно, в его трещинах своим — свои.
А на суглинке лодка сохляя,
давно без неводов и верш,
лежит,

как будто нельма дохлая,
обглоданная, брюхом вверх.
И, словно чья-нибудь сединка,
а чья — поди, теперь узнай,
одна последняя сетинка
еще цепляется за край.

А сани удалые
в бурьян под горой,
как будто удавили
их сорною травой.
И колокольчик ржавый,
забывший о езде,
к лишайнику прижало
скелетом СТЗ.

Молочка?
Может, птичьего?
Эх, мама-мамочка...

Кок понурился,
и боцман потух.

Никакой нас не приветствует петух.
Никаких с губами в кислице — девчат,
И буренки никакие не мычат.

Мы не просим о несбыточном эпоху, —
Нам бы вляпаться в коровью лепеху!
Мы не просим неземных раев-садов, —
лишь бы пес какой нас тянул за сапог!
Ах, как грохает проклятое ведро!
Наступить бы нам на теплое перо,
нам бы с кем поговорить —

хоть с дурачком!

...Мы на кладбище пришли за молочком.
Крест-накрест окна горбылем,
как будто избы крестятся,
прощаясь с тем,

что там — в былом,
а в будущем не встретится.

Лишь тучи ходят вверх да вниз,
летают и не тают,
как будто души мертвых изб
над крышами витают...

А за быльем-крапивою

дымочек над избой —
взъерошенный драчливый

комочек голубой.

Смоленой дратвы шорох,

и шилом да иглою

там одноногий шорник

с тоскою держит бой.

На пришлых взгляд бросает:

«Ну что ж, заходи в избу!» —

а сам хомут спасает,

работает узду.

Покуда есть работа,

тоске людей не сжить.

Работа хочет что-то

распавшееся сшить.

По шорницкой привычке

пьет, сидя на полу:

«Я здесь был шит, парнишки,

и здесь я и помру.

Не бойтесь —

я не пьяный,

пускай пропал колхоз —

ногою деревянной

я в эту землю врос.

Сбежать?

В тепле пристроиться

к чужому калачу?

Достоинства,

достоинства

терять я не хочу!»

На лбу — булгыги пота,

Хрипит:

«Покамест здесь

в деревне есть хоть кто-то

еще деревня есть!»

На гимнастерке латаной

медали всех сортов —

за оборону, взятие

различных городов.

Лишь нет одной медали —

он заслужил, герой,

медаль за оборону

деревни мертвой той.

Ну что ж, пошли, матросики!

Нас обступает мгла.

А там, в избе, работает,

работает игла,

и снова к нам доносится,

гудя по кедрачу:

«Достоинства,

достоинства

терять я не хочу!»

Эх, выручай, работа!

Покамест, словно здесь,

В России есть хоть кто-то,

еще Россия есть!

Ведро, как оробелое,

не грохает во мгле.

И видим, что-то белое

плескается в ведре.

Кок поясняет глухо

у темных изб-могил:

«Есть у него пегуха.

Сам доит.

Нацедил».

Боясь хоть каплю выплеснуть

нечаянным качком,

кок улыбнуться пробует:

«Мы, значит, с молочком».

1967

Я собирал материалы, накопил их гору, но так и не написал дипломную работу по книге Леонида Шинкарёва и Евгения Евтушенко «Микешкин» идет в Арктику». А в 2015 году посчастливилось мне встретиться с ним в кулуарах журналистского съезда в Колонном зале Дома Союзов. Взъерошенный, возмущенный Шинкарёв только-только сошел с трибуны, за которой рассказывал, как на недавних похоронах одного ветерана-известнца, годы и десятилетия делавшего своим творчеством честь газете, новая редакция не нашла ничего лучшего, чем отрядить на траурные проводы юную девицу в глубоком декольте и юбке выше колен, булькнувшую у гроба: «Понимаете, у нас сегодня выходит номер, а то бы кто-то из руководства с удовольствием пришел бы на кладбище»...

— Такие времена! — разделяя негодование писателя, протянул я ему руку и представился. Сказал, что курсовую работу о «Микешкине» все же тогда написал, а вот дипломную — простите, и не держите зла...

— Да было бы за что, — искренне улыбнулся Леонид Иосифович. — Спасибо, что прочитали ту мою книжечку, что помните, а я вот пишу продолжение — «Старая рында». О путешествиях Евтушенко и его спутников по семи рекам Сибири и не только. Увидимся еще — подарю...

Мы пока не увиделись. Каждый из нас с годами начинает жить в своем одиночестве, куда нет доступа никому, кроме него. И у этого одиночества есть свои драгоценные свойства. Так говорил на памятном вечере в тамбовском Дворце купца Асеева поэт Евгений Евтушенко. «О, одиночество, как твой характер крут...», — писала в прекрасном своем стихотворении его первая жена Белла Ахмадулина, поэтесса из знаменитой плеяды шестидесятников, собиравших переполненные залы и стадионы своими стихами. Себе и им посвятил поэт величественную эпифанию:

Идут белые снеги,

Как по нитке, скользя...

Жить и жить бы на свете,

Но, наверно, нельзя.

Чьи-то души бесследно,

растворяясь вдали,

словно белые снега
идут в небо с земли.
Идут белые снега...
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
и бессмертья не жду...